

О.Р. Бородин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В СРЕДЕ РАВЕННСКОГО ДУХОВЕНСТВА В VI—VIII вв.

"Книга понтификов Равеннской церкви" — написанная в IX в. аббатом Агнеллом история равеннской епископии¹ — донесла до нас сведения о ряде внутрицерковных конфликтов, имевших экономическую подоплеку. До сих пор они практически не привлекали внимания исследователей. В крупных трудах по истории Византийской Италии — монографиях Ш.Диля, Л.-М. Гартманна, А. Гийу² — эти эпизоды лишь бегло упоминаются. В специально посвященных истории равеннской церкви книгах А. Симонини в соответствующих случаях дается простой пересказ источника³. Почти нет и частных работ, посвященных экономической борьбе в среде равеннского духовенства⁴. Вряд ли можно считать оправданным такое равнодушие историков к данной теме и не только потому, что, как и всякая историческая реальность, она самоценна и в этом смысле заслуживает внимания. В любой стране и в любую эпоху экономические явления связаны друг с другом миллионами нитей: в частности, обращение к равеннской "Книге понтификов" позволяет нам убедиться в том, что экономические столкновения местных епископов с собственным клиром повлияли на некоторые важнейшие экономические процессы, протекавшие в Северо-Восточной Италии в VI—VIII вв.

Первый крупный конфликт такого рода разразился в годы понтификатов епископа Равенны Экклесия (521—534) и римского папы Феликса IV (526—530) и, следовательно, относится ко второй половине 20-х годов VI в. Известно, что тогда против равеннского епископа и его ближайшего окружения выступила значительная часть духовенства во главе с архидиаконом Масталлоном. Стороны обратились за арбитражем в Рим и получили от папы Феликса обширное послание, которое полностью приводится в "Книге понтификов" Агнелла. В сущности, лишь благодаря посланию мы можем судить о причинах

¹ *Agnelli Liber Pontificalis Ecclesiae Ravennatis // Scriptores rerum langobardicarum et italicarum. Hannoverae, 1878. P. 265—391.*

² Имеются в виду работы: *Diehl Ch. Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568—751). P., 1888; Hartmann L.M. Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540—751). Leipzig, 1889; Guillou A. Régionalisme et indépendance dans l'Empire Byzantin au VIIe siècle: L'exemple de l'Exarchat et de la Pentapole d'Italie. Roma, 1972.*

³ *Simonini A. Autocefalia ed esarcato in Italia. Ravenna, 1969. P. 112; Idem. La Chiesa Ravennate: Splendore e tramonto di una metropoli. Ravenna, 1964. P. 74.*

⁴ Единственное известное нам исключение составляет ценная статья: *Tamassia N. L'enfiteusi ecclesiastica ravennate e un racconto di Agnello. Nota. Bologna, 1920.*

происшедшего, ибо сам Агнелл произносит по этому поводу единственную фразу от собственного имени: "Случилось так, что в то время между блаженным Экклесием и священниками возник спор из-за части церковных имуществ" (*de singulis rebus ecclesiae contentio est*)⁵.

Папа в своем послании фиксирует внимание равенских духовных лиц на трех основных сюжетах. Приведем касающиеся их выдержки из документа:

1) "...Итак, прочитав грамоты, представленные нам братом нашим Экклесием, а также пресвитерами, диаконами и нотариями Равеннской церкви, в присутствии брата нашего и понтифика Экклесия равно как и вышепоименованных клириков, прибывших сюда по данному делу, мы постановляем: обязанности клириков должны принимать на себя только те, чья жизнь и поведение не противоречат священным канонам. Клирикам же, желающим и пытающимся достигнуть того, что по святоотеческим правилам принадлежит пресвитерам и диаконам, приказываем всецело руководствоваться постановлениями тех (святоотеческих. — О.Б.) времен. Что же относится до церкви Равенны и Классиса, то в ней имеется древний обычай. Клирики и монахи не имеют права ради достижения незаслуженного ими положения искать покровительства местных властей, дабы епископ, не выполняя требуемого, не навлекал на себя чьего-то недовольства, или, выполняя, не поступал бы противозаконно. Четверть патримония Равеннской церкви, т.е. три тысячи солидов, предназначена для выдачи клирикам и тем, кому принято выплачивать эти суммы. Если же что-либо из денежных поступлений или завещанных имуществ увеличится по воле Господа нашего, то надлежит, с помощью Божьей, четвертую часть посвятить на те же цели: таким образом, однако, как указано в брeve⁶, чтоб невозможно было распределить ее между отдельными людьми тайно, но исключительно в соответствии с заслугами и статусом, ибо все это установлено самим Господом, последовательно и законно. Нужно, чтобы каждый тщательно охранял все, что ему поручено, если сему не мешают тяжелая болезнь или потребности алтаря. За вычетом имуществ или дополнительных доходов, издержанных на личные нужды, гостевых даров, подносимых многим, и трапез, которые устраивают для них согласно с их должностным положением и заслугами, а также того, что потребно для приема приезжающих, все остальное мы предписываем отдавать епископу. И никаких заговоров, никаких сходов, кои не остаются безнаказанными и среди мирян, не смеет пытаться осуществлять в Божьей церкви никто из клира".

2) "...Для управления патримонием по распоряжению епископа... да будут направлены люди из состава клира, чьи честность и деловитость проверены, после принятия ими соответствующей присяги и за установленное епископом разумное вознаграждение, чтобы не терпело ущерба подавание бедным, и размеры патримония никто бы не утаил, и чтобы клирик, боясь Господа и собственного священника, честно распоряжался всем тем, что ему выделено. ...Если же кто из клириков держит принадлежащее церкви городское или сельское имущество, предписываем составить для него грамоту с точным определением доходов, так, чтобы он получал то, что следует, для собственного нужд, а все, что сверх того, шло бы в доход церкви. Что касается городского и сельского имущества, а также прочей недвижимости, оставлен-

⁵ *Agnellus. Op.cit. P. 319.*

⁶ "Бреве" именовалась вотчинная книга, содержавшая перечень и характеристику имуществ того или иного патримония Римской церкви и выдававшаяся на руки его управителю — "актору" См *Spearing E. The Patrimony of the Roman Church in the Time of Gregory the Great. Cambridge, 1918. P.23—24.*

ной различным базиликам нашими верными во спасение своих душ, то относительно них существует древнее правило. Нотарии в порядке, предписанном матрикулами: примicerии, секундицерии, третий, четвертый, пятый, шестой и седьмой самостоятельно в присутствии священников и диаконов получают документ за подписью завещателя, чтобы, как только возникнет необходимость, можно было его законно использовать, выдавать и получать... Если же каким-либо светским лицам, не терпящим материальной нужды, было передано церковное сельское и городское имущество, пусть епископ озаботится, дабы вернуть его церкви через специально назначенных клириков, чтоб в дальнейшем и не пытаться передавать его в пользование иначе как по единственной вышеупомянутой причине".

3) "...Дошло до нас, что некоторые клирики посещают зрелища, и дело это столь ужасное, что заклятостью возмущает души верующих, ибо они вопреки установлениям встречаются на зрелищах тех, кого видят в Доме Божиим читающими Слово. В результате нарушается дисциплина и попираются божественные правила. Здесь епископу необходимо проявлять заботу; иначе, если они (клирики. — *О.Б.*) сейчас так не поступают, то начнут поступать в будущем, а если поступают уже, то должны быть подвергнуты за это наказанию согласно церковным нормам"⁷.

Текст источника позволяет высказать следующие соображения о сути конфликта. В первой части папского письма говорится о так называемой "кварте" — четвертой части церковного бюджета, распределявшейся в среде клира. Кварты клириков появляется в католической церкви в результате четырехчастного деления церковных доходов, известного с V в. В письме римского папы Симплиция (468—483) епископам Флоренцию, Эквицию и Северу от 19 ноября 475 г. говорится: "...принадлежит ему (епископу. — *О.Б.*) одна четвертая часть. Две используются для нужд церковного строительства и для пропитания странников и нищих...; последнюю клирики делят меж собою по заслугам каждого"⁸. Папа Геласий I (492—496) в письме епископам Лукании, Бруттия и Сицилии (494 г.) утверждает официально: "Доходы верующих делятся на четыре части..., из которых одна предназначена для епископа, другая — для клириков, третья — для бедных, четвертая — для строительства"⁹. Он же повторяет это правило в послании жителям Бриндизи¹⁰ и поясняет в другом письме: "Управлять имуществом церкви имеют право епископы, однако они обязаны разделять доходы между вдовами и сиротами, бедняками и клириками. Оставшаяся часть остается епископу, чтобы он мог выступать благодетелем странников и пленных"¹¹. Фраза о четырехчастном делении доходов церкви вошла в выработанную в правление папы Геласия формулу обращения к пастве, куриалам и клиру того или иного города при назначении нового епископа¹², а впоследствии была включена в *Liber Diurnus* — официальный формуляр римских пап¹³.

⁷ Agnellus. Op.cit. P. 319—321.

⁸ Thiel A. Epistolae Romanorum pontificum genuinae et quae ad eos scriptae sunt a S.Hilaro usque ad Pelagium II. Brunsbergae, 1867. P. 176.

⁹ Ibid. P. 378.

¹⁰ Ibid. P. 381.

¹¹ Ibid. P. 382.

¹² Ibid. P. 380.

¹³ *Liber Diurnus Romanorum Pontificum* / Ed. Th.Ab.Sickel. Vindobonae, 1889. P. 6. Отметим, что данное деление доходов церкви на четыре части считалось правилом, освященным традицией обычаям, но все же не божественным установлением. Оно повсеместно признавалось в Италии,

В рассматриваемом нами случае папа Феликс IV с полным основанием подчеркивает, что четверть всех поступлений равеннской архиепископии должна отдаваться клиру; при этом он вынужден почему-то особо указывать, что четверть доходов от любого вновь приобретенного имущества также входит в кварту клириков. Мы вправе заключить, что епископ Экклесий ставил под сомнение если не само право клириков на получение кварты, то, по крайней мере, их право на долю от новых имущественных поступлений. Урезонивая епископа, папа одновременно говорит о клириках, стремящихся добиться того, что причислует священникам и диаконам. В чем смысл этого упрека? Отвечая на этот вопрос, мы переходим ко второму пункту спора, связанному с использованием церковного патримония. Дело в том, что в Римской церкви для управления земельными владениями назначались акторы (*actores*) и помощники акторов — дефензоры. В VI в. в роли папских акторов иногда выступали местные епископы, чаще — священники; среди дефензоров преобладали диаконы. Но никогда младшие клирики (аколиты, чтецы, певчие) не становились акторами¹⁴. Клирики Равенны, недовольные суммой, которую уделяла им епископия, вероятно, стремились провести на ключевые посты в сфере имущественного управления церковью своих людей, посягая таким образом на то, что "принадлежит священникам и диаконам". При этом они пытались прибегнуть к протекции влиятельных лиц. (Напомним, что дело происходило в столице Остготского королевства). Упомянутые светские лица занимали столь высокое положение, что равеннскому епископу неудобно было им отказать, о чем в обтекаемых выражениях и говорит папа Феликс.

Управители-акторы из своей среды нужны были клирикам Равенны не только для того, чтобы создать для себя режим наибольшего благоприятствования при сохранении традиционных методов эксплуатации патримония. Как свидетельствует источник, равеннские клирики хотели ощущать себя полными хозяевами земельных участков, предоставленных им в пользование. Церковное же руководство рассуждало иначе: все, что превышает личные потребности клирика и его семьи, следовало отдавать епископии. Очевидно, что клирик выступал в этом случае в качестве не владельца или арендатора, но лишь временного держателя земельного участка. Часть дохода, получаемая клириком, представляла собой жалованье за службу. Сумма участков, находившихся в распоряжении клириков, и составляла ту четверть ("кварту") земельной части патримония, о которой упоминает папа Феликс IV.

Отметим, что рекомендации римского папы были, вообще говоря, достаточно либеральны по отношению к земельным держателям. Епископия должна была предоставлять им земли, не претендуя на дары — *exenia*¹⁵, на кормления — *convivia*¹⁶, разрешая тратить церковные деньги на представи-

но галльские и испанские епископии, напротив, подразделяли свои доходы на три части. Это было связано с нормами германского обычного права. См.: *Boyd C.E. Tithes and Parishes in Medieval Italy: The Historical Roots of a Modern Problem. Ithaca; N.-Y., 1952. P. 76.*

¹⁴*Spearing E. Op. cit. P. 27.*

¹⁵*Exenium* — "гостевой взнос", широко распространенный в раннесредневековой Италии тип продуктовой ренты, внешне оформившийся как добровольное подношение. См. подробнее *Бородин О.Р. Византийская Италия в VI—VIII вв. (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул, 1991. С. 61—63.*

¹⁶*Convivium* — трапеза, устраиваемая согласно обычаю при посещении населенного пункта влиятельным светским или духовным лицом; позднее — кормление, предоставляемое в подоб-

тельские нужды. Но вопрос о принадлежности земель церковь решала однозначно: все права владельца и распорядителя доходов она оставляла за собой. Отсюда вытекало весьма неприятное для клириков требование папы Феликса: вычислить и документально зафиксировать доходность полученных ими земель с тем, чтобы впредь излишки доходов изымались епископией. Папа рекомендовал епископу Равенны использовать римский опыт, когда каждый вновь назначаемый актер получал от курии специальное "бreve" и мог контролировать держателей. Забота о патримонии являлась его главным делом, отвлекаясь от которого он имел право лишь на время для участия в церковных церемониях ("потребности алтаря") или в связи с тяжелой болезнью. Ни при каких обстоятельствах не позволялось отдавать земли патримония в держание светским лицам. Требование папы Феликса немедленно отнять их у всех мирян кроме остро нуждающихся, получивших их в порядке благотворительности, наводит на мысль, что среди церковных держателей могли быть упоминавшиеся представители местной власти (*locum potentium*) — люди, способные оказывать покровительство полезным для них группировкам в составе равеннского духовенства.

Отстаивая свои интересы, противоборствующие стороны использовали любую возможность для того, чтобы скомпрометировать соперника. В частности, епископ Экклесий не преминул сообщить, что его клирики посещают публичные зрелища. Священнослужители, естественно, заявили, что их оклеветали. Папа римский не стал вдаваться в детали, но резонно заключил, что если клирики до сих пор и не грешили, то они ничем не застрахованы от этого в будущем. Он однозначно осудил практику посещения зрелищ духовными лицами, призвав епископа к бдительности.

В целом постановление папы Феликса IV носит компромиссный характер. Главный его смысл состоит в том, что за епископией остается право распоряжаться патримонием, а клиру гарантируется кварта. Компромиссно оно и по форме: строгий тон, когда речь идет о клириках, не мешает римскому папе в косвенных выражениях высказать епископу Экклесию ряд серьезных претензий по управлению вверенным ему диоцезом. Не случайно хронист Агнелл завершает сообщения об этих событиях фразой: "После этого образумился блаженный Экклесий и обращался уже со своими овцами, как отец с детьми"¹⁷. Агнелл, сам происходивший из среды равеннского клира, полагал, следовательно, что папа Феликс IV поставил на место "зарвавшегося" епископа Экклесия. Именно компромиссность, разумный центризм позиции, занятой римским папой в конфликте между клиром и епископом Равенны, обеспечили его постановлению долговечность. Равеннские духовные лица на протяжении полутора столетий считали его руководством к действию, ссылались на него как на прецедент, и, несмотря на некоторые немногочисленные исключения, в основном его выполняли.

Эпохой расцвета политического могущества Равеннской архиепископии¹⁸ стала середина VII в. В результате длительной и напряженной борьбы с папством за преобладание в Италии при архиепископе Мавре (648—671) она

ных случаях вассалом сюзерену. См.: *Du Cange. Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis*. P., 1842. T. 2. P. 585.

¹⁷ *Agnellus. Op.cit.*, P. 321.

¹⁸ Равеннский диоцез получил ранг архиепископии во время понтификата епископа Максимиана (546—556).

получила от византийского императора право автокефалии¹⁹. С этого момента равеннские понтифики сделались совершенно независимы от Рима; даже в сан их посвящали три их собственных суффрагана. Римская и равеннская епископские кафедры обменялись проклятиями и прекратили взаимное общение. Конфессиональный разрыв между Римом и Равенной имел многообразные последствия, но, в частности, он предоставил равеннской церкви моральные основания для того, чтобы игнорировать апостолические определения римских пап. В числе таких определений было и известное нам послание папы Феликса IV. Такова была церковно-политическая ситуация в Равенне, когда на архиепископскую кафедру взошел второй преемник Мавра — молодой, энергичный и беспринципный Феодор (677—688). «В эти дни случился большой голод во всей земле, и он (Феодор. — *О.Б.*) присвоил (*deglutivit*, т.е. буквально "поглотил". — *О.Б.*) весь хлеб в области. Когда же священники не смогли найти, где его купить, то пришли к нему просить помощи. Он же сказал пришедшим к нему архидиакону Феодору и архипресвитеру — также по имени Феодору: "Скажите священникам и всему клиру: Зачем изнуряет вас такой голод? Если откажитесь ото всей церковной кварты и от всего, что за эти годы в качестве кварты по воле епископов получили, то я справлюсь с вашей нуждой". Они же, мучимые долгим тяжелым голодом, согласились; и с того времени кварта отнята у клириков этой церкви вплоть до сего дня. Обычаи же церкви, которые по каждому предмету были собраны в отдельные тома, он забрал и сжег. Когда восседал он на престоле, согласно своему достоинству, и поднялся против него ропот среди священников и клириков из-за обычаев, запись которых он изъял из архива, то, предвидя свое поражение, он заявил: "Верьте мне, дети, что я не только не отниму ваши обычаи, но еще их преумножу". И дал обещание перед собранием всей церкви, что если кто найдет какие-то документы, фиксирующие обычаи, то он их примет. Когда же ему принесли множество грамот, то в глубине души замыслил он зло. Якобы с радостью принял он все это, глядя на всех с ясным лицом; сам же был волком в овечьей шкуре. И сказал он им вновь: "Поищите еще, и когда все найдете, мы заключим между собой соглашение, чтобы никогда в дальнейшем нам не ссориться". Они же отправились и после тщательных поисков, как только что-нибудь обнаруживали, приносили ему. А он, обманно получив все грамоты, сказал: "Идите, а я пока подумаю, каким образом мы оформим договор, чтобы раздоры никогда не повторялись". И собрав все, соединил в один том и сжег в очаге собственной бани»²⁰.

Разбойничьи действия архиепископа Феодора не остались безнаказанными. Сделавшись в глазах всего духовенства личностью одиозной, он пытался, как сообщает Агнелл, восстанавливать друг против друга священников и диаконов, приближая то одних, то других, но расположения клира так и не добился. Накануне праздника Рождества Христова священники пришли к архипресвитеру и архидиакону и заявили следующее: "Скажите господину нашему понтифику, что он творит нам зло. Полно притеснять и травить нас! Много уж тягот он нам доставил, и сносить их мы более не можем. Воспользовавшись удобным случаем, он лишил нас кварты, сокрушил апостолические установления, сжег в огне обычаи церкви, матрикулы отнял, от лона церкви нас отлучил, все творит вопреки Евангелию, телесно нас

¹⁹См. подробнее: *Бородин О.П.* Указ. соч. С. 263—267.

²⁰*Agnellus. Op.cit.* P.356.

унизил, имущества разграбил, средства к жизни отнял, списки церковных доходов (*censuales*), по его словам, исчезли²¹. Но сделанное архиепископу руководителями клира последнее предупреждение не подействовало. Посланцы духовенства были с оскорблениями изгнаны вон. На Рождество архиепископ Феодор пришел в храм для совершения торжественного богослужения, но не обнаружил на месте ни одного клирика. "Видимо, они еще спят", — решил он и послал за ними слуг. Те возвратились и сообщили, что весь клир ушел из Равенны в близлежащий Классис, собрался там в соборе Св. Аполлинария, и сейчас в нем уже идет торжественная литургия. Священнослужители наотрез отказались иметь дело со своим епископом. Все попытки понтифика через своих клеветов уговорить клириков вернуться оказались тщетными. Священнослужители заявили, что намерены отправиться в Рим просить себе нового пастыря, а если им откажут, то они обратятся с той же просьбой к императору в Константинополь. Архиепископ в панике бросился к византийскому экзарху Равенны, прося заступничества. Но посланцы экзарха получили от клириков следующий ответ: "Если мы отправимся в Константинополь, то пожалуемся и на самого экзарха за то, что он раньше не захотел призвать его (архиепископа. — *О.Б.*) к порядку". Узнав об этом, архиепископ Феодор принялся умолять экзарха лично отправиться в церковь Св. Аполлинария в Классисе и обещать от его имени все, чего только ни потребуют восставшие клирики. "К имуществу церкви я буду иметь отношение не большее, чем любой из них", — заверял архиепископ.

"На следующий день явился в храм экзарх и воссел вместе с архиепископом и всеми священниками, а сзади них встали диаконы и весь клир, участвовавший в ссоре. Много было между ними споров, и изобличен был понтифик, и все немедленно были восстановлены в своем достоинстве, и были распределены между ними по жребию (*sortiti*) церковные имущества, и не было среди них никого, кто какую-либо их часть не получил; то же касается и подчиненных управителей (*actores*), и проастиев, принадлежавших *familiares ecclesiae*; и отправились все счастливые в свои монастыри и возблагодарили Бога. То, чем ранее пользовался один епископ, теперь было разделено между всеми, и с этого дня договор (*foedus*) был установлен и скреплен клятвой между понтификом и его священниками о том, что *familiares ecclesiae* имеют право самостоятельного надзора (*auctoriam curationem habeant*)..."²²

Так завершился наиболее острый конфликт между равенским клиром и архиепископом. Но от архиепископа Феодора всегда можно было ожидать новых сюрпризов. Как сообщает Агнелл, понтифик в очередной раз "измыслил зло, ибо не сумел, как желал, обогатить за счет церковного имущества собственных родителей". Тогда он тайно написал в Рим папе Агафону письмо с просьбой пригласить его в Рим для переговоров о взаимоотношениях двух кафедр. Получив приглашение, он отправился в Вечный город и там официально отрекся от автокефалии, а римский папа (преемник умершего Агафона) утвердил взамен этого все его прежние распоряжения по епархии²³.

Последняя акция алчного и бессовестного равеннского прелата выглядит вполне понятной: римская курия легализовала в числе прочих равенских новшеств переход в руки архиепископа кварталы клириков. По Агнеллу "вплоть

²¹Ibid. P. 357.

²²Ibid. P. 359.

²³Ibid.

до сего дня", т.е. до середины IX в. кварта оставалась в руках архиепископов. Отметим, что пример Равеннской церкви оказался заразительным, и на протяжении VIII—IX вв. обычай выдачи клирикам итальянских церквей четвертой части доходов епархий постепенно отмирал²⁴.

Как же могло получиться, что конфликт, разгоревшийся в Равеннской церкви, завершился победой клира, но кварта осталась в руках архиепископа? Очевидно, блага, полученные равенским духовенством в результате заключенного с архиепископией договора, значительно перевешивали потери от утраты кварты. В самом деле: клирикам был роздан полностью церковный земельный патримоний, второй по величине в Италии после папского, включавший к концу VII в. земли в окрестностях Равенны, Перуджи, а, возможно, и Рима, в Пентаполе, в Далмации и даже в Сицилии²⁵.

Можно утверждать, что с этого времени окончательно исчезают равенские церковные поместья, где под руководством управителя велось собственное крупное колонатное хозяйство. (Пример такого хозяйства дает нам равеннский папирус № 3 из собрания Я.-О. Чедера, относящийся к 60-м годам VI в.²⁶) Теперь между непосредственным производителем, колоном, и собственником — церковью становится представитель промежуточного страта, определенного источником как прослойка *familiares ecclesiae*. Эти люди получили "право надзора", т.е. приобрели экономическую самостоятельность, освободившись от опеки акторов. Бывшие же акторы, по-видимому, слились с ними, получив статус *familiares*. Именно так можно понять не вполне четкую формулировку Агнелла: "...то же (т.е. новая практика распределения патримония. — О.Б.) касается и подчиненных *actores*, и проастиев, принадлежащих *familiares ecclesiae*".

На каких же условиях получили церковные земли *familiares ecclesiae*? Ясно, что не в собственность, так как собственником этих земель осталась Равеннская церковь. С другой стороны, они и не стали обычными держателями церковных земель типа прежних получателей кварты. Мы помним, что такой вариант и за полтора столетия до этого не казался равенскому клиру особенно привлекательным. В недавней монографии автором этих строк было указано, что с конца VII в. на землях Равеннской церкви стала распространяться льготная аренда византийских чиновников и военных²⁷. Логично предположить, что именно на условиях льготной аренды получили церковные земли равенские клирики и *familiares ecclesiae*. В юридическом плане подобные держания оформлялись как эфитевтические с весьма низкой арендной платой. До описываемых событий известно всего два эпизода, когда равеннская церковь заключала такие сделки. При этом оба они по своему содержанию могут рассматриваться как исключения. В первом (639 г.) воин Ариминского нумера Павлацис получил в эфитевсис только что подаренный им Равеннской церкви земельный участок; в сущности здесь мы имеем дело с ита-ло-византийским вариантом *precaria oblata*²⁸. Во втором случае (середина VII в.) арендатором-эфитевтом очень большого поместья и имущества в городе стал Феодор Каллиопа — крупнейший политический деятель Византийской

²⁴Boyd С.Е. *Op.cit.* P. 86.

²⁵См.: Бородин О.Р. Указ.соч. С. 49—50.

²⁶Tjäder J.-O. *Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445—700.* Lund, 1955. Bd. I. S. 186—188. Pap. 3.

²⁷Бородин О.Р. Указ. соч. С. 74.

²⁸Tjäder J.-O. *Op.cit.* Bd. I. S. 358—367. Pap. 22.

Италии, дважды бывший равеннским экзархом (643—645, 653—660-е годы)²⁹. Независимо от того, являлся ли он действующим экзархом в момент заключения сделки³⁰, влияние этого человека в Равенне позволяло ему не очень считаться с церковными правилами, тем более в условиях, когда сама церковь была заинтересована в его покровительстве.

К концу VII в. (правление епископа Дамиана, непосредственного преемника Феодора — 688—705) относятся древнейшие эмфитевтические сделки, зафиксированные в полиптихе Равеннской церкви — так называемом Баварском кодексе. Мы располагаем семью такими свидетельствами³¹, и при известной всем медиевистам скудости актового материала по экономической истории VII—VIII вв. имеем основания говорить о широком распространении соответствующей практики в Равеннском экзархате примерно с 90-х годов VII в. Возможностью для нее предоставило соглашение епископа Феодора со священнослужителями о правах *familiares ecclesiae*, заключение между ними договора — *foedus*.

Исследуя вопрос о его роли в экономической истории Равенны, необходимо привлечь к рассмотрению свидетельство Агнелла о событиях в Равенне в начале 30-х годов VIII в. Тогда равеннцы изгнали из города архиепископа Иоанна VII (723—748). Агнелл пишет: «И вот разгневались граждане Равенны против этого понтифика и отправили его в ссылку в венецианскую область, и в течение года он был изгнанником. Тогда скриниарий Епифаний, видя разорение святой нашей церкви и отца отечества (*patrem patriae*), находящимся в стеснении и скорби, через посредство экзарха города вновь призвал его на принадлежащую ему кафедру. А после того как восстановился он в достоинстве понтифика, упомянутый скриниарий Епифаний однажды сказал ему: "Отче-господине, стоило бы тебе прийти во дворец к экзарху и отнести ему большую грудку серебра³², чтобы созвал он на суд тех мужей, что отправили тебя в ссылку, дабы мы отомстили им, и то, что ты отдашь, вдвойне с них получили бы. Ты будешь вести себя, как надлежит епископу; судиться с ними буду я, и знаю, что с помощью Божьей одержу над врагами победу". И все случилось так, как вы слышали. Утвердился упомянутый понтифик Иоанн в материнском лоне церкви, а на другой день инициатор сборища — тот же скриниарий Епифаний — принял рядиться с определенными людьми (*cum singulis hominibus*) и сказал так: "Ты имеешь письменное предписание об иму;

²⁹Tjäder J.-O. Op.cit. Stockholm, 1982. Bd. II. S. 172—179. Pap. 44.

³⁰Этот вопрос — спорный. См. Ibid. S. 291. Komm. 19.

³¹Опубл.: Codex Bavarus. N 14, 15, 16, 21, 23, 27, 122 // M. Fantuzzi. Monumenti Ravennati di secoli di mezzo. Venezia, 1801. T. I. От времени самого епископа Феодора эмфитевтических грамот до нас не дошло. Укажем, однако, на следующее немаловажное обстоятельство в правление Дамиана "архив сей церкви был сожжен огнем, и многие документы тогда сгорели в пламени, а многие дурными людьми были разграблены и спрятаны. Тогда, собрав всех священников, епископ провозгласил анафему тем из вышеназванных, кто взятые документы не вернет, а тех, кто возвратит, объявил свободными от вины" (*Agnellus*. Op.cit. P. 365—366). Надо полагать, что не были возвращены наиболее актуальные документы последних лет, т.е. грамоты, относящиеся к понтификату самого Дамиана и его предшественника Феодора Сокрытия и уничтожение актов землевладения не могло быть делом рук представителей зависимого населения, заинтересованных в облегчении эксплуатации непосредственные сельские производители не жили в городе. По-видимому, сами городские сословия прятали чужие документы о правах на земельные участки, предполагая в дальнейшем оспаривать эти права друг у друга. Если данное предположение верно, то речь должна идти о весьма острой конкуренции за обладание землей в Равеннском экзархате

³²...palaream — слово, родственное итальянскому palata "лопата"

ществах (*gracsertum ex rebus exaratum*), согласно которому никогда против сей святой церкви и против епископа этой кафедры ни по какому поводу не восстанешь ни действием, ни словесно. Скажи теперь, что ты за овца, если своего пастыря, согревавшего тебя и водившего по травянистым лугам, ты ткнул рогом и подписал направленный против него документ (*cirographa*)?" И когда они были избличены, он (епископ. — *О.Б.*) собрал сторицею то, что дал экзарху. И после этого все единодушно и униженно пришли к нему, моля о прощении; и никто в будущем не вызвал его гнева»³³.

Комментируя этот текст в специальной статье, итальянский историк Н. Тамассия пришел к выводу, что в источнике говорится о крупных арендаторах церковных земель на условиях эмфитевсиса и либеллы, а в высказывании скриниария Епифания почти дословно процитирована их присяга собственнику³⁴. В частности, Н. Тамассия обратил внимание на текстуальные и смысловые совпадения между словами Епифания и обязательствами эмфитевта из вышеупомянутой арендной грамоты экзарха Феодора Каллиопа (середина VII в.)³⁵. Подобная или сходная формулировка встречается во многих равеннских эмфитевтических грамотах более позднего времени³⁶. По содержанию она представляет собою прототип вассальной присяги, предусматривавшей возникновение на базе экономического (поземельного) контракта обязательств внеэкономического характера. То обстоятельство, что в рассматриваемом случае мы имеем дело с обязательствами негативного, а не позитивного плана ("не выступать против"), а также характерная оговорка из арендного договора Феодора Каллиопа ("за исключением только ситуаций, когда придется обсуждать какое-либо дело законным образом" — *ventilare per justiciam*), естественны в условиях развитого правового государства, где частное право не может налагать на субъекта обязанностей, противоречащих праву публичному.

Лица, заключившие с Равеннской церковью подобную сделку, вероятнее всего, приобретали по отношению к ней некоторый новый статус, причем единственный подходящий для него термин источников — *familiares ecclesiae*. Как видим, их обязательства перед церковью были в общих чертах намечены уже к середине VII в., а в 30-е годы VIII в. воспринимались как освященные традицией. Привлекательно было бы на этом основании поставить знак равенства между договором (*foedus*), заключенным между архиепископом Феодором и его священнослужителями, и *gracsertum ex rebus*, упомянутым Епифанием в его речи. Однако вряд ли это было бы правильно.

Судя по заявлению Епифания, *gracsertum ex rebus* заключался между церковью и конкретным арендатором, и речь в нем шла о совершенно определенном имуществе. Документы такого рода должны были писаться в двух экземплярах³⁷ и находиться как на руках у арендаторов, так и в архиве

³³ *Agnellus. Op.cit. P. 376.*

³⁴ *Tamassia N. Op.cit. P. 5, 8 etc.*

³⁵ У Агнелла: "...ut nunquam contra sanctam hanc ecclesiam aut contra hujus sedis pontificem de quaquaque causa agas, aut ore mussites". В арендном договоре Каллиопа "...Nec aliquando adversus sanctam nostram benefactricem, vestram Ravennatem Ecclesiam cuiquam contra justiciam tractare aut agere per quovis ingenio, aut argumento, nisi pro propria causa, si contigerit per justiciam tantummodo ventilare debeatis". См.: *Tjäder J.-O. Op.cit. Bd. II. S. 178—179.*

³⁶ *Tamassia N. Op.cit. P.12.*

³⁷ Еще в первой трети VI в. Феликс IV в известном нам предписании равеннскому клиру и епископу отмечал: "Все же церковные документы должны быть переписаны, чтобы каким-нибудь

архиепископии. Не случайно поэтому в тяжбе с *familiares ecclesiae* столь значительную роль играл скриниарий Епифаний — хранитель архива Равеннской церкви. Он был заранее уверен в успехе: при прочих благоприятных для церкви условиях, Епифаний вдобавок располагал компрометирующим материалом на любого своего противника³⁸. Имея ввиду каждого такого оппонента, он риторически обращался к *familiares ecclesiae* в единственном числе: "Ты имеешь *praesertum ex rebus exaratum*".

Заклученный в 80-е годы VII в. в Равенне *foedus* был документом более общего порядка. Он, как мы помним, был составлен один на всех, и в нем определялось право *familiares ecclesiae* самостоятельно, без участия епископских управителей вести хозяйство на церковных землях и, следовательно, полностью распоряжаться всей рентой за исключением фиксированной арендной платы. Иными словами, *foedus* стал основополагающим документом для заключения более частных сделок, оформлявшихся контрактом *praesertum ex rebus*. Поскольку массовый переход церковных земель в руки местной служилой знати сыграл решающую роль в истории ряда социальных процессов, протекавших в Равеннском экзархате (иррегуляризация византийского войска, попадание в зависимость от церкви значительной части чиновничества и офицерства, превращение архиепископа в политического лидера региона и т. д.), можно утверждать, что результаты конфликта между клиром и архиепископом, имевшего место в 80-е годы VII в., сказались на жизни Равеннского экзархата в целом.

Почему внутрицерковный по форме экономический конфликт приобрел столь значительное социальное звучание? Легко заметить, что до тех пор, пока в центре внимания спорящих сторон стояло распределение кварталы, проблема волновала только священнослужителей. В противоборстве участвовали, с одной стороны, епископ и его ближайшее окружение, с другой — остальная часть духовенства. В обоих рассмотренных нами случаях во главе партии клира стояли его формальные корпоративные лидеры: архидиакон Масталлон в 20-х годах VI в., два Феодора — архипресвитер и архидиакон — в конце VII в. Это вполне объяснимо: архипресвитер и архидиакон играли в среде священников и диаконов примерно ту же роль, что руководители античных торговых и ремесленных коллегий в своих корпорациях; защита интересов клириков была их прямой обязанностью, и небрежение ею губительно сказывалось на их авторитете. Именно интересы клириков, в первую очередь, экономические, лежали в основе неоднократных шумных скандалов, сопровождавших назначение в Равенну епископов из других городов Италии, так как последние были людьми, не знавшими традиций епископии и никак не связанными с местным духовенством. Так, знаменитый впоследствии Петр Хрисолог, служивший диаконом в Имоле, стал равеннским епископом (432 г.) лишь в результате исключительной настойчивости римского папы Сикста IV (432—440) после его многодневных пререканий с равеннской делегацией³⁹. Не менее известный епископ Максимиан, бывший раньше диаконом в Поле

образом не погибли, и чтобы не случилось так, что, когда это необходимо церкви, их невозможно было бы предъявить" (*Agnellus*. Op.cit. P.320).

³⁸ Архив (*scrinium*) Равеннской церкви вообще содержался в завидном порядке. В IX в репутация его была настолько высока, что лишь о нем наряду с архивом римской курии специально упоминала папская "Книга понтификов". См.: *Le Liber Pontificalis / Texte, introd. et comment. par L.Duchesne*. P., 1955. Т. II. P. 155.

³⁹ *Agnellus*. Op.cit. P. 311—312.

(Истрия) и назначенный в Равенну папой Вигилием (537—555), вовсе не был допущен в город и утвердился на престоле лишь после того, как дал хороший обед верхушке равеннского клира и городской знати (*sacerdotibus et primatibus urbis*), а затем попросту подкупил их (546 г.)⁴⁰. В необходимых случаях клиру удавалось возбудить против неугодного понтифика мирян⁴¹, но чаще всего дело обходилось без их участия. В разгар острейшего столкновения клириков с епископом Феодором "паства, пришедшая в церковь, изумлялась, не ведая причин происходящего"⁴². Показательно, что договор (*foedus*) об использовании церковного патримония заключался "между понтификом и священнослужителями" (*inter pontificem et sacerdotes*): не потому, что *familiares ecclesiae* передоверили защиту своих интересов духовным лицам, а потому, что последние составляли сами подавляющее большинство церковных *familiares*. Однако заключение *foedus* стало началом социального перелома. Он сделал статус *familiares* исключительно выгодным, предоставив им максимум льгот при минимуме обязательств. Легализация *foedus* папством в обмен на отказ архиепископии от автокефалии окончательно отменяла постановление папы Феликса IV, в том числе и пункт о недопущении к церковному патримонию мирян. Из семи известных нам арендных сделок, заключенных архиепископией в правление Дамиана (688—705), в пяти сохранились сведения об общественном положении церковных эфитевтов. Среди них монахиня, логофет священного дворца, трибун, вдова *magistr'a militum*, вдова купца, т.е. одно духовное и четверо светских лиц, из которых трое принадлежат к прослойке служилой знати⁴³. Так в конце VII в. началось приобщение к эксплуатации церковной собственности наиболее сильной социальной группы Византийской Италии — *exercitus*, т.е. войска-сословия, сочетающего военнополитическое влияние с экономическим могуществом. С этого момента экономические процессы, протекающие внутри церкви, вливаются в единый поток явлений, обеспечивающих социальную эволюцию всего региона.

Несколько десятилетий спустя представители *exercitus* составляют уже явное большинство *familiares ecclesiae*. Последнее описанное нами столкновение архипастыря Равенны со своими подопечными началось политическим актом — высылкой понтифика из города, осуществленной "гражданами Равенны" (*Ravennenses cives*)⁴⁴. После возвращения епископа выяснилось, что

⁴⁰Ibid. P. 326—327.

⁴¹О Максимиане в источнике сказано "Паства же.. не желала его принять" (*Plebs igitur... noluisse eum recipere*) См.: Ibid. P. 326.

⁴²Ibid. P. 358.

⁴³Codex Bavarus. N 21, 15, 27, 23, 14.

⁴⁴Конкретные причины этого события неясны. Н Тамассия полагал, что архиепископ Иоанн был изгнан из города "провизантийской партией" (*Tamassia N. Op.cit. P. 4*). Но нам ничего не известно об антииконоборческой деятельности Иоанна в эти годы (вплоть до римского собора 742 г., осудившего иконоклазм), а поддержка, оказанная ему равеннским экзархом, делает крайне маловероятной подобную трактовку конфликта. Добавим к этому, что в разгар иконоборчества именно *exercitus Italiae* представлял собой в основном сепаратистскую по отношению к империи силу, а политическая линия Равеннской церкви ввиду ряда объективных причин была и в то время тесно связана с ориентацией на Константинополь. См. об этом: Бородин О.Р. Взаимоотношения равеннских архиепископов и светской власти в "Книге понтификов..". Агнелла из Равенны // Вопросы истории. Межвед. сб. Минск, 1981. Вып. 8. С. 126 Более вероятным представляется вариант, зеркально противоположный предлагаемому Н.Тамассией: архиепископ был выслан из Равенны антивизантийски настроенными *familiares ecclesiae* за лояльность к иконоборчеству Это могло произойти лишь после захвата Равенны лангобардами: в 732—734 гг. Понятно, почему понтифик бежал в Венето: там находился в это время византийский экзарх

практически все эти "граждане" одновременно являются *familiares ecclesiae*, и их даже можно огульно обвинять в нарушении вассальной присяги. Таким образом, целый общественный слой связал себя с архиепископией экономическими и юридическими узами. Этот знаменательный социальный сдвиг мы можем приблизительно датировать первыми десятилетиями VIII в. и непосредственно связать с итогами экономического конфликта в среде равеннского духовенства в правление архиепископа Феодора.

Итак, история экономических коллизий внутри Равеннской епископии прошла две стадии: до 80-х годов VII в., когда эти противоречия не только формально, но и по существу, являлись внутренним делом церкви, и после 80-х годов VII в., когда в них вмешались новые общественные силы. Вскоре эти силы заняли главенствующее место в экономической жизни церкви, что придало протекавшим в ней процессам общецентральное значение.

Евтихий. См. об упоминаемых событиях: *Hallenbeck J.T. Pavia and Rome: The Lombard Monarchy and the Papacy in the Eighth Century. Philadelphia, 1982. P. 31—32.* Поэтому и восстановление архиепископа в правах происходило как бы дважды. Сначала он благодаря вмешательству экзарха был восстановлен в архиепископском достоинстве, т.е. просто признан в своем прежнем статусе, видимо, находясь еще в Венето. Затем он "утвердился в материнском лоне своей церкви" — в равеннской архиепископской резиденции. Естественно, что архиепископ прибыл в Равенну после возвращения города под власть империи — вслед за экзархом или вместе с ним. Только используя исключительно выгодную новую политическую конъюнктуру, сложившуюся в столице экзархата, он решился подвергнуть наказанию целую социальную группу, обладавшую огромным влиянием в регионе.